

КАФЕДРА

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ. МАРКСИСТСКАЯ ВЕРСИЯ (продолжение)

*Андрей Иванович Колганов –
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник МГУ.*

Раздел 3. Социализм

Читатель может обратить внимание, что собственно социализму в учебнике уделяется не так много места, как некоторым другим темам, и, в особенности, капитализму. Однако это совершенно естественно – научный социализм покоится, прежде всего, на исследовании объективных закономерностей развития всего предшествующего человеческого общества, а наиболее детально – капиталистической системы. Само же социалистическое общество пока не является полномасштабной реальностью, и материал для его изучения по-неволе ограничен. Все, чем мы располагаем для этого – некоторые выводы из тенденций и противоречий развития предшествующих исторических эпох, и исторически краткий (около 70 лет) опыт неудачной попытки построения социалистического общества.

Подраздел 1. Социалистическая революция

Глава 19. Классовая борьба в капиталистическом обществе

19.1. Историческая динамика классовой борьбы при капитализме

Первые проявления классовой борьбы в капиталистическом обществе отмечаются еще на заре капиталистического способа производства. Когда капитализм начинает вставать «на собственные ноги», т.е. с формированием адекватных ему производительных сил в виде крупного промышленного производства, формируется и фабрично-заводской пролетариат, который сознательно формулирует и выдвигает свои особые классовые интересы в противоположность интересам буржуазии. К этому же периоду относится и самостоятельный выход пролетариата на арену политической и идеологической борьбы.

Что касается такой составной части классовой борьбы пролетариата, как экономическая борьба, то она является неотъемлемым элементом капиталистического способа производства, как борьба вокруг условий продажи рабочей силы. Поэтому экономическая борьба начинается сразу же с формированием пролетариата и буржуазии, задолго до того, как капиталистический способ производства становится господствующим.

В политическом отношении пролетарское движение первоначально выступает как составная часть буржуазного демократического движения против сословной монархии и других остатков феодализма, лишь временами и не весьма отчетливо обнаруживая свои особые интересы. Только после того, как задачи буржуазной революции в той или иной степени оказываются решены, противоречие классовых интересов пролетариата и буржуазии становится более отчетливым и выходит на передний план. В этот период начинают формироваться особые пролетарские политические организации и вырабатываться собственная пролетарская классовая идеология.

Именно в это время политические организации пролетариата впервые выдвигают свои особые политические требования (чартисты в Великобритании, коммунисты в континентальной Европе). В первую очередь эти требования касаются приобретения условий для легальной экономической и политической борьбы пролетариата (республика, всеобщее избирательное право, легализация профсоюзов и политических партий рабочих, 8-часовой рабочий день и т.д.). Тогда же в качестве одной из своих целей пролетарские партии выдвигают борьбу за захват государственной власти.

Поскольку капиталистический способ производства развивается в интернациональном масштабе, классовая борьба пролетариата очень быстро приобретает интернациональный характер. В первую очередь это касается политической борьбы. В последней трети XIX века формируются международные пролетарские организации (I-й Интернационал), а вскоре вслед за его роспуском при участии его национальных секций начинается формирование крупных национальных пролетарских политических партий, организовавших II-й Интернационал. Несколько позже начинают формироваться международные профсоюзные объединения.

На протяжении XIX – первой половины XX века классовая борьба пролетариата и буржуазии носит весьма упорный характер, нередко принимая насильственные и вооруженные формы, доходящие до вооруженных восстаний и гражданской войны. С течением времени пролетариат завоевывает себе возможность легальной экономической и политической борьбы, после того как легализуются профессиональные союзы, признается право на забастовку, вводится всеобщее избирательное право, и легализуются пролетарские политические партии. Это, однако, не всегда может смягчить классовые противоречия, и время от времени происходит переход от легальных форм борьбы к вооруженному насилию.

Классовая борьба пролетариата не может быть сведена к прямому противостоянию пролетариата и буржуазии («класс против класса»). В капиталистическом обществе насчитывается немало число других классов и социальных групп, занимающих в классовой борьбе различные позиции. Это, во-первых, многочисленный класс мелкой буржуазии, положение и интересы которого определяют его тяготение как к буржуазии, так и к пролетариату. Во-вторых, существуют социальные слои, формально относящиеся к лицам наемного труда, но реально занимающие промежуточное по-

ложение между пролетариатом и буржуазией. В-третьих, имеется немногочисленный, но влиятельный класс земельных собственников. Кроме того, следует принимать во внимание, что внутри классов пролетариата и буржуазии (как и внутри других классов и социальных слоев) существуют группы с различными специфическими интересами. Эти группы так же могут занимать разные позиции в классовой борьбе.

В результате эффективность классовой борьбы рабочего класса, особенно в том, что касается политической борьбы, зависит как от степени внутренней консолидации рабочего класса (которая никогда не бывает стопроцентной), так и от возможностей заключать союзы с политическими представителями других классов и социальных групп, предлагая политику, отвечающую в той или иной мере их собственным специфическим интересам. На ранних этапах развития индустриального капитализма особое значение приобретает установление союза между рабочим классом и весьма многочисленным в этот исторический период крестьянством.

В конце XIX и первой половине XX века для ряда развитых (и менее развитых) капиталистических государств было характерно наличие массового пролетарского движения, выступающего под социалистическими лозунгами. В то время в этих странах существовали массовые коммунистические, социалистические и социал-демократические партии, ставившие своей целью приобретение государственной власти, ликвидацию тем или иным образом капиталистического строя и движение к социализму. В настоящее время ситуация значительно изменилась.

Историческая эволюция классовой борьбы в капиталистическом обществе выявляет две тенденции. Во-первых, постепенное развитие классовых компромиссов, развитие экономических и политических уступок рабочему классу со стороны капиталистов в наиболее развитых странах (что получило отражение в концепциях «государства всеобщего благосостояния», «социального государства», «социального партнерства», «народного капитализма» и т.п.). Этот процесс шел неравномерно, и прерывался попытками использования буржуазией методов жесткого силового подавления рабочего движения (фашизм, нацизм). Значительное влияние на уступчивость буржуазии оказало наличие альтернативы капитализму в виде «мировой системы социализма».

Во-вторых, вовлечение в развитие по капиталистическому пути ранее относительно отсталых стран неизбежно привело к формированию в них, по мере прохождения капиталистического промышленного переворота, острых классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Поэтому наибольшего накала пролетарская классовая борьба достигает в настоящее время в так называемых новых индустриальных странах и в странах, приближающихся к ним по уровню экономического развития.

В результате сейчас в наиболее развитых странах не существует такого массового движения рабочего класса, которое нацелено на ниспровержение капитализма как системы. Соответственно, и в сфере политической борьбы, партии, выступающие за ниспровержение капиталистического строя, отсутствуют или пользуются сравнительно небольшим влиянием. Что касается развивающихся стран, то для них характерна неравномерная динамика политической борьбы пролетариата. Если в 80-90-е гг. XX века там тоже можно было наблюдать затухание существовавших ранее политических движений под социалистическими лозунгами, то в начале XXI века мы сталкиваемся с их активизацией (в Латинской Америке). Эта активизация происходит нередко за пределами существовавших ранее коммунистических и социалистических партий.

Означает ли такая ситуация, что по мере развития капитализма классовая борьба в нем будет затухать, а пролетариат – отказываться от ранее провозглашавшейся борьбы за ликвидацию капиталистической системы? Соответственно, не является ли острая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией свойством лишь ранних стадий развития промышленного капитализма? Такие выводы на протяжении значительной части XX века делались неоднократно, причем, как противниками, так и сторонниками социалистических концепций.

С точки зрения противников социализма, классовая борьба и социалистические лозунги есть своего рода «детская болезнь» капитализма, поражающая его в силу его неразвитости. Дальнейшее же экономическое развитие позволяет полностью избавиться от этой болезни, открывая дорогу безболезненным постоянным улучшениям капиталистической системы. Одни идеологи полагают, что таким путем могут быть постепенно реализованы и «социалистические ценности». Другие, напротив, утверждают, что чем дальше от социализма, тем лучше для экономики и благосостояния граждан.

Некоторые сторонники социализма также считают, что в развитых странах классовая борьба затухает, потому что рабочий класс этих стран участвует вместе со своей буржуазией в эксплуатации менее развитых наций, и вообще «обуржуазился». Поэтому революционизируется рабочий класс и предпролетарские слои в отсталых странах и путь движения к социализму предстает как путь борьбы «мировой деревни» против «мирового города», отсталого «Юга» против развитого «Севера». В этой борьбе рабочий класс отсталых стран ведет борьбу совместно со своей мелкой буржуазией и патриархальным крестьянством, поскольку их объединяют общие интересы противостояния «бедных» «богатым», а потому идеологическая оболочка такой борьбы может быть весьма своеобразной, например, религиозной.

Изложенные позиции возникли, как можно видеть, не на пустом месте, и опираются на реальные факты исторического развития классовой борьбы. Однако они исходят и из некоторых недостаточно достоверных посылок.

19.2. Судьба концепции «исторической миссии пролетариата»

Обе названные выше позиции появились как ответ на концепцию «исторической миссии пролетариата», развитую в «Манифесте Коммунистической партии». Согласно этой концепции, развитие капиталистических производственных отношений порождает два основных класса – буржуазию и пролетариат, вытесняющие ранее существовавшие классы и социальные группы. Дело не ограничивается одной лишь борьбой между этими двумя основными классами капиталистического общества. Пролетариат в историческом смысле выступает как могильщик буржуазии, борющийся не просто за ниспровержение власти буржуазии и ликвидацию капиталистической системы, но и за ликвидацию общественных классов вообще, и создание общества без классов.

Этот тезис о пролетариате, как ведущей силе коммунистической революции, находится, однако, в противоречии с фундаментальными положениями социально-экономического учения К. Маркса.

Такое утверждение на первый взгляд выглядит абсурдным – ведь, несмотря на то, что К. Маркс на протяжении всей своей жизни вносил коррективы в свои прежние представления (не избежал таких корректив и "Манифест"), однако он не счел нужным пересматривать тезис об исторической миссии пролетариата. Тем не менее, есть серьезные основания настаивать на ошибочности этого тезиса с точки зрения теоретических разработок самого К. Маркса.

Согласно К. Марксу, в рамках вторичной (экономической) формации человеческого общества каждый исторически определенный способ производства определяет и наличие в нем основных общественных классов. Эти классы самим экономическим и политическим строем общества вынуждаются к борьбе между собой. С утратой данным способом производства потенциала прогрессивного развития, по мере вызревания соответствующих социально-экономических предпосылок, в конечном итоге в ходе классовой борьбы происходит замена одного способа производства другим, а вместе с этим – и политическая революция, и переворот во всей общественной надстройке. Однако это *не означает* победу одного основного класса данного способа производства над другим. В процессе перехода к новому способу производства прежние классы начинают разлагаться, а им на смену приходят новые, которые и выступают основными действующими лицами революции, опосредствующей переход от одного способа производства к другому.

*Переход от одного способа производства к другому в социальном отношении никогда не представлял собой **прямое** превращение основных классов одного спо-*

*соба производства в основные классы другого.*¹ Мелкие римские крестьяне и рабы (и даже римские колонны и «рабы с хижинами») не превратились сразу же и непосредственно в средневековых крепостных: между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный крестьянин, которого еще только предстояло закрепить. Переход к феодальному обществу от античного не был победой рабов над рабовладельцами, или мелких землевладельцев-общинников над крупными (более того, все движения рабов и мелких землевладельцев были разгромлены). Произошла *многоступенчатая* трансформация рабов и свободных общинников в новый класс лично зависимого крестьянства: через смягчение рабской зависимости, закабаление прежде свободных общинников, затем через формирование слоя свободного крестьянства и уже через его закрепощение – но на иных условиях, нежели закабаление свободных крестьян в античные времена. Такая же многоступенчатая трансформация опосредовала превращение крупных земельных собственников-рабовладельцев в новый класс феодалов: через возникновение форм условного держания земли, выделение новой феодальной знати, получающей земельное владение лишь временно за службу (главным образом, военную), и через постепенное превращение этого служебного владения в наследственное, происходящее параллельно с обращением крестьян, располагавшихся на этой земле, в личную зависимость от феодалов, как от своих сеньоров.

Точно также буржуазная революция не была революцией крепостных против феодалов. Средневековые крепостные не превращались непосредственно в наемных работников – между ними стоит фигура независимого мелкого товаропроизводителя (в деревне ли, в городе ли), лишь экспроприация которого привела к пролетаризации трудящегося населения. Аналогичную трансформацию претерпевали и представители господствующих классов, пополняясь при этом представителями прежде угнетенных классов (пример – «третье сословие»).

Буржуазная революция происходит тогда, когда крепостные уже превратились в лично свободных крестьян, городская часть "третьего сословия" выросла в широкий слой свободных ремесленников, торговцев, полупролетариев и буржуа. Одновременно с этим значительная часть господствующего класса приобрела чисто буржуазные источники дохода, в то время как другая его часть, утратив прежние источники дохода, основанные на крестьянских повинностях (феодальная рента), стала паразитическим наростом, кормящимся за счет государственного бюджета.

Ведущей силой буржуазной революции выступают не крепостные, и острое удара направлено не против крепостной зависимости и феодальных повинностей (хотя

¹ Пожалуй, первым сформулировал такое обоснование критики концепции «исторической миссии пролетариата» американский марксист Чарльз Миллз (См.: Charles Wright Mills. *The Marxists*. N.Y. 1962, p. 116.

борьба такого рода характеризует собой собственно феодальную эпоху, так же, как античность сопровождается постоянными конфликтами рабов и рабовладельцев, мелких и крупных землевладельцев). Ведущей силой этой революции выступают новые социальные группы – буржуа (в том числе мелкая буржуазия – лично свободные крестьяне и ремесленники, работающие на рынок на основе трудовой собственности), пролетарии и полупролетарии. Социально-экономическим содержанием этой революции является борьба за разрушение феодальных привилегий, сдерживающих развитие товарного хозяйства, а политическим – борьба против сословной монархии, обеспечивающей политическую монополию представителям старого, отмирающего господствующего класса (который уже в значительной мере утратил свое прежнее экономическое лицо, цепляясь за политические привилегии как за главный источник своего существования).

Итак, в рамках любого способа производства социальной силой, вызывающей революционные перемены, выступают *не основные классы данного общества, а новые социальные группы*, экономические (и политические) интересы которых связаны с торжеством нового экономического уклада, на основе развития которого в недрах старого общества эти социальные группы и сформировались.

В капиталистическом обществе сопровождающая его историю постоянная борьба наемных рабочих и капиталистов *не является* тем конфликтом, который непосредственно порождает коммунистическую революцию. Революция становится возможной лишь тогда, когда в недрах капитализма сформируются экономические (а также и политические, культурные и прочие) предпосылки нового общественного строя, а вместе с ними и на основе их развития сформируются и *новые социальные группы*, интересы которых будут *непосредственно* связаны с развертыванием этих предпосылок в целостный общественный строй.

Та критика, которой я подверг "Манифест Коммунистической партии", с необходимостью должна быть дополнена признанием объективной обусловленности движения тезиса об исторической миссии пролетариата. Тогда, в середине XIX века, не было иных классовых сил, кроме пролетариата, которые противостояли бы режиму капиталистической эксплуатации, и невозможно было строить обоснованные предположения о появлении таких сил в будущем. Кроме того, считая неточным тезис о пролетариате как о *ведущей* силе социалистической революции, *я вовсе не хочу сказать, что классовая борьба пролетариата вообще не играет никакой роли в революционном процессе устранения капиталистического способа производства*. Более того, на протяжении периода с середины XIX до конца XX вв. фактически только пролетарская классовая борьба и выполняла эту революционизирующую роль.

Если мы обратимся к истории античности, то можно заметить, что борьба рабов против рабовладельцев, и мелких землевладельцев-общинников против крупных землевладельцев сыграла значительную роль в смягчении форм рабской зависимости и в закреплении прав мелких земледельцев на занимаемые ими участки земли (хотя и ценой обращения их в личную зависимость). Точно также борьба крепостных крестьян против феодалов сыграла существенную роль в постепенном устранении личной зависимости крестьян и расширении возможностей развития товарного хозяйства.

Разумеется, одновременно с этим велась и чисто экономическая борьба, где спор противоборствующих классов сводился лишь к норме эксплуатации (величина оброка или барщины и т.п.).

То же самое можно сказать и о пролетариате. С одной стороны, его борьба есть лишь составная часть экономического механизма капиталистического способа производства, механизма конкуренции за условия продажи товара – рабочая сила. С другой стороны, борьба пролетариата за более достойные условия жизни привела к постепенному смягчению условий эксплуатации, к созданию механизмов социальной защиты трудящегося населения, что создало условия для прогрессивной эволюции самого капитализма, повышению роли образованной и квалифицированной части трудящихся, в конечном итоге – к формированию социально-экономических предпосылок коммунистической революции.

Буржуазные революции всегда опирались на широкую поддержку крестьянства, без которой ниспровержение феодальных порядков было бы невозможным. Более того, во многих случаях именно крестьянство обеспечивало наиболее массовую социальную базу антифеодального переворота. Можно сделать аналогичный вывод и о пролетарском движении. *Борьба новых социальных групп, формирующихся в рамках класса наемных работников, за утверждение нового общественного строя, не имеет шансов на успех без поддержки со стороны массового пролетарского движения.*

Так же, как крестьянство (даже уже и лично свободное) было заинтересовано в борьбе против крупного помещичьего землевладения, составляя тем самым массовый отряд общего потока антифеодальной революции, так и пролетариат, будучи заинтересован в освобождении от капиталистической эксплуатации, несомненно, окажет массовую поддержку антибуржуазному движению. И то, и другое, – не предположения, а исторические факты.

Сейчас в гораздо большей степени, чем в 1848 году, капиталистическая система хозяйства выступает как мировая система. Поэтому и *развитие коммунистической революции должно рассматриваться обязательно во всемирном контексте.* Со стороны классовой структуры общества мировой капитализм представлен сектором отсталых стран с преобладанием социальных групп докапиталистического типа, сек-

тором новых индустриальных стран с преобладанием промышленного пролетариата, и сектором постиндустриальных стран, только в отношении которых полностью применимы положения, развитые мною выше.

Условия международной борьбы пролетариата существенно изменились по сравнению с XIX веком и первой половиной XX-го. Пролетариат существенно изменил свое этнокультурное лицо. Если в XIX веке это были почти исключительно белые рабочие стран с христианской культурной традицией, относящиеся к романогерманской языковой группе, то теперь рабочий класс стал мультиэтническим и мультикультурным. Хотя глобализующееся мировое капиталистическое хозяйство объективно определяет общие интересы пролетариев всех стран в борьбе против общей глобальной гегемонии капитала, этот общий интерес, чтобы реализоваться, должен еще преодолеть различия в культурных и политических традициях разных групп рабочего класса. Даже такая очевидная вещь, как языковой барьер, может служить немалым препятствием для международной солидарности рабочих. Если же к этому добавить разную степень классового самосознания, разные идеологические концепции, националистические предрассудки, конфессиональное отчуждение, несовместимость семейно-бытовых традиций, различие взглядов на роль женщин в обществе и т.д., то становится ясно, что общие экономические интересы еще не означают автоматически и солидарных действий.

Пользуясь этими различиями, всячески поддерживая и консервируя их, капитал разобщает разные группы пролетариата, подчас даже противопоставляет их друг другу, и тем самым охраняет свое господство от своего классового противника.

Поэтому с точки зрения мирового капиталистического хозяйства организация международной классовой борьбы пролетариата имеет еще большее значение, нежели в том случае, если бы мы ограничились рассмотрением лишь группы наиболее развитых стран. Если пролетариат относительно более отсталых стран не включится активно в совместную революционную борьбу, то это задержит и революционизацию рабочего класса развитых стран. Такая революционизация имеет своим условием выпадение капиталистической периферии и полупериферии из общей мировой системы капиталистической эксплуатации, что неизбежно приведет к новому обострению конфликта как традиционного пролетариата, так и новых групп наемных работников развитых стран со «своей» буржуазией – ибо возможности классового компромисса окажутся сразу резко сужеными. *Организованное в международном масштабе пролетарское движение, руководствующееся социалистическими идеалами, является необходимым условием победы коммунистической революции.*

Однако на этом основании *нельзя вернуться* к тезису об исторической миссии рабочего класса *в неизменном виде*. Сколь бы ни был количественно преобладающим промышленный пролетариат, и сколь бы острые формы ни принимала его клас-

совая борьба с буржуазией, – вплоть до ниспровержения политической власти последней, – невозможно отождествить его с такой социальной группой, не только непосредственные материальные интересы которой совпадают с развертыванием некапиталистических общественных отношений, но и социально-культурный потенциал которой достаточен для социального творчества, формирующего такие отношения как всеобъемлющую систему.

В рамках капитализма начинают формироваться социальные группы, непосредственно включенные (разумеется, лишь отчасти) в зачатки производственных отношений того типа, который будет характерен именно для социалистического бесклассового общества. А потому эти группы более, нежели пролетариат, заинтересованы в переходе к социалистическому бесклассовому обществу, поскольку экономические условия существования пролетариата заключены в противоположности труда и капитала. Мечта о преодолении эксплуатации и классового неравенства была присуща всем угнетенным классам – и пролетариат здесь не составляет исключения. Но построить бесклассовое общество могут лишь те силы, которые уже *обладают* хотя бы начатками соответствующего социального опыта.

Что же это за новые социальные группы, рождающиеся в процессе разложения основных классов капиталистического общества? Чтобы понять это, надо разобраться, на основе каких социально-экономических предпосылок, рожденных капитализмом, возможна социалистическая революция, и какие именно новые социальные движущие силы революции формируются этими предпосылками. Но прежде нам предстоит понять, что же представляет собой сама социалистическая революция.

Глава 20. Выход из капитализма: революция или реформа?

20.1. Социальная революция и политическая революция

Для идеологов буржуазии вопрос о характере перехода от капитализма к новому общественному строю вообще не стоит – даже как отвлеченная теоретическая проблема. Для них гораздо притягательнее наспех сколоченные идейки, вовсе не имеющие под собой научных оснований (вроде печально знаменитого «конца истории» Френсиса Фукуямы), но которые тешат самолюбие буржуазии иллюзией вечности и незыблемости капиталистических порядков. А еще любезнее их сердцу просто не замечать этой проблемы, тупо веруя в то, что исторический характер может носить все, что угодно – но только не капитализм.

Именно к таким сторонникам самообмана были обращены в 1848 г. слова «Манифеста Коммунистической партии»: «Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в

вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами».²

Разумеется, ни один общественный строй не вечен, и когда назревает историческая необходимость, существующая общественная система гибнет и ей на смену приходит другая. Но как происходит такой переход от одного общественного строя к другому? *Он происходит путем социальной революции* (см. гл. 8).

Социальная революция означает перерыв постепенного, эволюционного развития, качественный скачок, связанный с быстрым распадом общественных отношений старого способа производства и формированием на их обломках, на основе уже зародившихся предпосылок, переходных элементов и укладов, целостной системы отношений нового способа производства. Социальная революция – это кратковременный, в историческом смысле, процесс, однако это и не одномоментный переход. Социальная революция в полном объеме занимает многие десятилетия, а иногда и более длительные сроки.

В классово-антагонистическом обществе, где существует государство, *социальная революция, как правило, сопровождается и политической революцией*. Старые господствующие классы, несмотря на развитие социальной революции, на формирование новой системы производственных отношений, стремятся удержать за собой прежние условия своего господства. Они используют для этого аппарат государства, прибегая к правовым, административным, а нередко и прямо насильственным мерам, чтобы затормозить и сорвать происходящие перемены. Поэтому политическая революция, ниспровергающая прежнюю государственную власть, обычно выступает условием развития и завершения революции социальной.

Когда государственную власть захватывают новые общественные классы, они используют ее для целей продолжения и последовательного выполнения задач социальной революции. Политическая революция может протекать за рамками легальности или (гораздо реже) оставаться в этих рамках, она может быть мирной или сопряженной с применением вооруженного насилия, вплоть до гражданской войны. Но в любом случае политическая революция сопряжена с насильственным вмешательством в общественные отношения, и в первую очередь – в отношения собственности. Это вмешательство выступает средством ускорения социального переворота, перехода к новому способу производства.

Как показывает историческая практика, переход к социалистическому обществу также будет происходить через политическую революцию. Даже в том маловероятном случае, если господствующие классы не будут оказывать насильственного сопротивления утрате своего господства, необходимо будет преобразование формы

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955, с. 443.

государства, всей системы политического устройства общества для того, чтобы социальная революция – разложение капиталистической системы производственных отношений и формирование на ее месте новой – была обеспечена поддержкой такой формы государства, которое само составляет ступень к изживанию всякой отделенной от общества власти. «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции перестанут быть политическими революциями*».³

Ведущей социальной силой (гегемоном) социалистической революции, по представлениям К. Маркса и В.И. Ленина, должен выступать рабочий класс. Однако ниже будет показано, что есть основания для уточнения и даже пересмотра этой позиции, даже с точки зрения классического марксизма.

20.2. Революционная ситуация

В отличие от социальной революции, которая развивается независимо от воли и желания отдельных людей и даже общественных классов (хотя их действия и могут существенно видоизменять темпы и формы этого процесса), в политической революции субъективный фактор играет огромную роль. Тем не менее, и политическая революция вызревает, прежде всего, как объективный процесс, однако обусловленный сложным сочетанием целого ряда объективных и субъективных, закономерных и случайных обстоятельств, которые формируют *революционную ситуацию*.

Революционная ситуация – совокупность условий, делающих возможным развитие политической революции.

Существует известное ленинское определение условий возникновения революционной ситуации (данное им в статье «Крах II Интернационала»), которым я и воспользуюсь для дальнейшего изложения:

"Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверно не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис "верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы "низы не хотели", а требуется еще, чтобы "верхи" не могли жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в

³ Маркс К. Ницета философии. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955, с. 185.

бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция по общему правилу невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. (...) ...Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят".⁴ И Ленин добавляет к этому, что социалисты «...отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории...».⁵

Из этого большого отрывка можно увидеть, что революционная ситуация складывается из объективных экономических и социальных факторов. Уже первый тезис Ленина, о невозможности для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, скрывает за собой целый ворох факторов. Почему господство нельзя сохранять в неизменном виде? Потому что изменились фундаментальные экономические, социальные, классовые, и, как результат, – политические условия осуществления этого господства. На втором месте стоят нужда и бедствия угнетенных классов – а они обостряются так же потому, что фундаментальные социально-экономические условия изменились, и прежняя система отношений уже не обеспечивает нормальное воспроизводство общества. Эти два фактора ведут к росту активности масс – и потому, что массы уже не могут более выносить сложившееся состояние, и потому, что господствующие классы уже не в силах удержать свое господство без апелляции к массам, и внутри самого господствующего класса разгорается борьба за власть, в которой эксплуатируемое большинство должно выступить как «пущечное мясо».

Однако не из всякой революционной ситуации рождается политическая революция, и не всякая революция бывает победоносной – т.е. приводит к переходу государственной власти в руки иных классовых сил. Для революции необходима достаточно высокая степень осознания массами необходимости, целей и путей революционной борьбы, и претворение этого сознания в организованные политические действия.

⁴ Ленин В.И. Крах II Интернационала. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., (5-е изд.) Т.26. с. 218.

⁵ Там же. С. 246.

Приобретение такой способности – дело длительного исторического развития. При переходе от античного общества к феодальному можно наблюдать, что действия масс, – в том числе и сознательно вызываемые господствующими классами, – выступают лишь фактором, расшатывающим прежнюю систему власти. Нигде в эту эпоху действия масс не сыграли роль самостоятельного фактора политических преобразований, хотя бы и наряду с другими. Даже если действия масс совершенно самостоятельны, спонтанны – они не способны сыграть самостоятельную роль.

В буржуазной революции действия масс уже гораздо более важны. Без прямой опоры на организованное в определенной степени массовое действие невозможна уже ни революция, ни контрреволюция. Более того, массовые организации эксплуатируемого большинства начинают уже вырабатывать осознание своих особых интересов и защищать свои особые требования. «Масса» впервые начинает выдвигать цель борьбы за приобретение политических прав и свобод *для себя* с целью борьбы за государственную власть.

Для коммунистической революции уже никакое политическое действие помимо масс и за их спиной не может служить залогом ее успеха. Только то, что эксплуатируемое большинство само осознает и завоевывает в политической борьбе, может служить опорой для коммунистического движения. Не может быть никаких действий «для народа» или «в интересах народа», которые бы по существу своему не создавали бы угрозы утраты коммунистической природы движения. Как было записано еще в Уставе I-го Интернационала, *освобождение рабочего класса есть дело рук самого рабочего класса*.

Для того, чтобы революционная ситуация разрешилась победоносной революцией, пролетариат должен обладать средствами идейной и политической борьбы. Для этого пролетариату необходимо иметь свою партийную организацию и вести постоянную работу по уяснению себе теоретических основ своего освобождения. Без этих условий революция не будет успешной.

Так, например, революционная ситуация 1848 г. во Франции перешла в революцию, которая, однако, в конечном счете, завершилась контрреволюционным переворотом 1850 г. Точно так же завершилась поражением революция 1905-1907 гг. в России. А революционная ситуация, сложившаяся в период крестьянской реформы 1861 г., так и не переросла в революцию.

Становление буржуазного способа производства иногда сопровождается не одной, а несколькими политическими революциями – в том случае, когда революционные преобразования в политической и юридической надстройке остаются незавершенными или сталкиваются с контрреволюцией. Помимо уже упомянутого российского примера, классический пример такого развития событий – Франция. После Великой Французской революции конца XVIII века потребовались еще революции 1830, 1848 и 1870 гг., чтобы довести дело формирования буржуазной надстройки до конца.

Не доведенные до конца буржуазные революции приводят к необходимости *буржуазно-демократической* революции. Она носит такое название, потому что и по своим целям – обеспечение последовательной буржуазной демократии, и по своим движущим силам – к которым принадлежит не только буржуазия, но и значительная часть трудящегося и эксплуатируемого населения (в том числе – пролетариат), выступающего нередко под собственными лозунгами, отличается от «обычной» буржуазной революции. Нередко буржуазия отходит от стремления к последовательному осуществлению прав и свобод даже в буржуазных рамках, и тогда в буржуазно-демократической революции возможен переход к *гегемонии пролетариата* (то есть пролетариат выступает ведущей социально-политической силой революции).

20.3. Революция и реформа

Глубокие преобразования, связанные с развитием социальной революции, не обязательно приобретают в политической сфере форму политической революции, а могут проходить, как политические и экономические реформы. Это происходит в тех случаях, когда борющиеся за свои интересы классы недостаточно сильны и организованы, чтобы провести необходимые для них преобразования революционным путем, а господствующие классы все же вынуждены идти на серьезные преобразования – как под давлением масс «снизу», так и под давлением изменившихся объективных социально-экономических условий.

Так, например, проведение реформ в России в 60-е – 70-е гг. XIX века определялось невозможностью дальнейшего сохранения крепостничества, резкого сословного неравноправия, серьезных препон свободе предпринимательства и соответствующих этим порядкам обветшавших государственных учреждений. Хотя революционная ситуация в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века не переросла в революцию, накал социальных противоречий был достаточно велик, чтобы побудить господствующие классы к проведению весьма глубоких реформ.

Не сопровождалась политической революцией и буржуазная социальная революция в XIX веке в Швеции, приняв в сфере политической и юридической надстройки вид череды реформ. Помимо указанных выше причин это объяснялось значительным обуржуазиванием самих господствующих классов, а также менее развитыми (по сравнению с другими европейскими странами) сословно-феодальными пережитками в социально-экономической системе Швеции. Во многом аналогичной была ситуация в Норвегии и Исландии.

Таким образом, реформы выступают как альтернатива политической революции, или как результат неудавшейся революции. Политические реформы, начавшиеся с Манифеста 17 октября 1905 года, принешие России ряд политических свобод и создание сильно ограниченной в правах системы представительной власти (Государст-

венная Дума), были результатом революционных событий, оказавших сильнейшее давление на господствующие классы и заставивших их прибегнуть к реформам под угрозой утраты политической власти.

Однако никогда реформы не предпринимаются в порядке «доброй воли» господствующих классов. Лишь сильнейшее политическое давление и угроза революционного взрыва являются теми побудительными мотивами, которые принуждают господствующие классы к достаточно глубоким реформам. Достаточно глубоким – для того, чтобы обеспечить развитие коренных социально экономических преобразований, соответствующих объективным требованиям развивающейся социальной революции.

Нередко такие реформы, называемые иногда «революцией сверху», оказываются все же недостаточны, чтобы разрешить противоречия, вызвавшие к жизни социальную революцию. И тогда дальнейшее нарастание этих противоречий неизбежно вызывает к жизни политическую революцию. Так, реформы 60-х гг. XIX века в России не разрешили всех проблем развивающейся буржуазной революции, что вызвало к жизни сначала неудавшуюся политическую революцию 1905-1907 гг., а затем революцию 1917 года.

Коммунистическое движение не должно и не может связывать свою деятельность только с революцией и отказываться от борьбы за реформы. Однако следует помнить, что революционное решение вопросов преобразования политической и юридической надстройки всегда носит более последовательный характер. Кроме того, без революционного натиска на господствующие классы и само проведение сколь угодно значимых реформ вырвать у господствующих классов невозможно.

20.4. Отмирание государства и диктатура пролетариата

В.И. Ленин в свойственной ему лаконичной манере сформулировал тезис, что коренной вопрос всякой революции – это вопрос о власти. Действительно, политическая революция предпринимается именно для захвата государственной власти и изменения характера всей политической и юридической надстройки так, чтобы обеспечить власть нового господствующего класса, и выполнение этой властью задач по завершению происходящей социальной революции.

Таким образом, в «вопросе о власти» в революции на самом деле скрывается два вопроса: вопрос о классовой природе новой власти, и вопрос о политических формах этой власти.

При переходе от античного общества к феодальному мы наблюдаем смену господствующего класса – на смену крупным землевладельцам-латифундистам, эксплуатирующим труд зависимых мелких землевладельцев и рабов, приходит военно-служилое сословие, получающее земельные пожалования на условиях службы, и

гарантирующее земельные наделы крестьянам, попадающим в личную зависимость от представителей этого сословия.

Одновременно наблюдается и смена политической формы. И в первом, и во втором случае это монархия. Но в античной монархии самодержец – это ставленник землевладельцев, осуществляющий ту или иную форму компромисса между крупным и мелким землевладением. Гарантии права земельной собственности в этом случае в общем не связаны с конкретной личностью монарха. Поэтому его власть нередко не является наследственной, а выступает в форме краткосрочной тирании, а в случае ее наследственного характера не обязательно приобретает династическую форму (то есть основанную на наследовании по принципу кровного родства, придающего монархии вид линии сменяющих друг друга на троне последовательных потомков одного рода – династии).

Феодальная монархия опирается, прежде всего, на одно сословие – военно-служилую знать, получающую земельные пожалования из рук монарха. Поэтому земельная собственность господствующего класса зависит от личности пожалователя, а потому власть очень быстро приобретает форму наследственной (династической) монархии. Сословно-династическая природа феодальной монархии сохраняется вплоть до эпохи буржуазных революций. Эти революции, приводя к власти новый господствующий класс – буржуазию, меняют и формы ее политического господства. Товарное хозяйство, основываясь на фактическом равноправии рыночных контрагентов, неизбежно требует равенства и в политическом представительстве, тем более что буржуазные революции опираются на многочисленную мелкобуржуазную массу, требующую свою долю политического пирога. Это и приводит к смене монархической формы правления республиканской, нередко прикрытой традиционным флером конституционной монархии.

Как же ставит вопрос о власти коммунистическая революция? Точка зрения классического марксизма XIX века состояла в том, что *коммунистическая революция призвана превратить пролетариат в господствующий класс, а специфической политической формой его господства будет демократическая республика*. Однако к этому далеко не сводится марксистская точка зрения о природе власти пролетариата.

Государственная власть по своим социальным основам представляет собой классовую диктатуру. Это означает, что господствующий в обществе класс контролирует и государственную власть, используя ее в интересах утверждения своего классового господства. Например, власть в буржуазном обществе представляет собой диктатуру буржуазии, вне зависимости от тех политических форм, которые принимает ее господство – будь то парламентская или президентская республика, конституционная монархия или военная диктатура. Соответственно, пролетариат, превраща-

ясь в господствующий класс, устанавливает диктатуру пролетариата. А наилучшей политической формой этой диктатуры, как уже было замечено выше, является демократическая республика.

Для чего же нужна пролетариату государственная власть?

В отличие от всех прежних господствующих классов, пролетариату государственная машина нужна не для увековечивания своего господства. Диктатура пролетариата есть лишь переходный этап к обществу без классов, и, соответственно, без государства – ибо в таком обществе теряется сам смысл понятия «классовое господство». Однако чтобы сформировалось общество без классов, именно диктатура пролетариата должна проложить ему путь, обеспечив развитие социальной революции – превращение накопленных еще при капитализме предпосылок социализма в целостную систему социально-экономических отношений нового общества. А для этого потребуется насильственное вмешательство в отношения собственности и преодоление сопротивления прежних господствующих классов, для которых не будет условий существования в становящейся общественной системе.

Характерной чертой завоевания власти пролетариатом является необходимость слома старой государственной машины. Пролетариат не может просто захватить существующий государственный аппарат и пустить его в ход для своих собственных целей. Если в прежних политических революциях речь шла лишь о смене господствующего эксплуататорского класса, и старый государственный аппарат – с определенными видоизменениями, конечно, – мог служить новому эксплуататорскому классу так же, как служил старому, то в коммунистической революции дело обстоит иначе. Пролетариату власть нужна не для подавления эксплуатируемого большинства, а для уничтожения условий для всякой эксплуатации, для всякого угнетения. Слом старой государственной машины, приспособленной именно для эксплуатации, именно для угнетения, выступает поэтому неизменным условием успешной политической революции. Речь идет и об изменении форм государственного управления, и о замене кадрового состава государственного аппарата.

Это – весьма непростая задача. Новые формы пролетарской государственности еще только предстоит создать в ходе революции, а новых государственных служащих, действующих в интересах революции, пролетариат так же не имеет в готовом виде. Тем не менее, трудности такого рода не являются непреодолимыми. Постольку, поскольку революция опирается на массовое рабочее движение, организационные формы этого движения и его активные, сознательные участники выступают той основой, на которой может быть создан новый государственный аппарат.

Вторая, гораздо более сложная задача, являющаяся обязательной составной частью политической революции социалистического типа (но для решения которой одной только политической революции недостаточно, а нужно еще и успешное раз-

вите фундаментальных социально-экономических преобразований) – политическое обеспечение отмирания государства.

Коммунистическая революция призвана создать условия для ликвидации всех форм социального угнетения – в том числе и отделенной от общества, стоящей над ним государственной власти. Эта задача не может быть решена «отменой» государства, ибо невозможен одномоментный переход к социальному устройству без государственного принуждения. Для того чтобы выбросить вон, по словам К. Маркса, весь хлам государственности, должны получить предельное развитие демократические формы правления. И лишь когда большинство граждан научится непосредственно участвовать в решении общественных дел, отпадает необходимость в особом аппарате, отделенном от граждан, и государство перерастет в самоуправление народа.

Судьба концепции «диктатуры пролетариата» требует особого обсуждения.

К. Маркс ясно и недвусмысленно определял классовую природу пролетарского государства как диктатуру пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».⁶

Зачем же пролетариату нужна эта диктатура? «*Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов*».⁷

В какой форме будет осуществлена эта классовая диктатура? «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция».⁸

Этот достаточно ясный подход претерпел у В.И. Ленина довольно странную интерпретацию. Зная и неоднократно воспроизводя в своих работах соответствующие положения классиков марксизма, В.И. Ленин стал смешивать вопрос о классовой диктатуре, как об определенности *классовой природы* государства, с вопросом о диктатуре как о *форме правления*. В.И. Ленин неоднократно, в разных вариантах, выдвигает следующее определение: «Революционная диктатура пролетариата есть

⁶ Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 27.

⁷ Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1960, с. 617-618.

⁸ Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962, с. 237.

власть, завоевываемая и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть не связанная никакими законами».⁹ Хотя Ленин сам несколько раз подчеркивает, что речь идет не о форме правления, он, тем не менее, сползает именно в эту сторону. Или он полагает, что «власть, не связанная никакими законами» есть определение *классовой природы* диктатуры, и что под это определение подпадает *любая форма* классовой диктатуры, в том числе и демократическая республика?

В.И. Ленин, несомненно, прав в том отношении, что революция не обходится без насилия одного класса над другим, и что при завоевании власти пролетариатом в ходе революции он не обязан связывать себя буржуазными законами, а зачастую должен идти прямо против них. Представьте себе вооруженное восстание пролетариата против господства буржуазии, которое опиралось бы на буржуазное законодательство и проходило бы строго в его рамках!

Но выдвигать насилие и не связанную законами власть как главные признаки диктатуры пролетариата – значит, затушевывать именно классовую природу этой власти. Вообще говоря, В.И. Ленину приходилось утверждать почти то же самое – что насилие не есть главное в диктатуре пролетариата, а главное есть созидательная работа по строительству основ нового социалистического общества. Не раз подчеркивал В.И. Ленин и демократический характер пролетарской власти, и свойственную этой власти тенденцию к отмиранию государственного насилия вообще. Однако цитируемое выше высказывание, неоднократно повторенное им в пылу полемики в годы гражданской войны, несомненно, наложило отпечаток на последующее формирование идеологических клише. Во всяком случае, у И.В. Сталина мы найдем уже полное сведение понятия диктатуры пролетариата к классовому насилию, не ограниченному законами.

Такова была судьба классических марксистских представлений о диктатуре пролетариата. Однако, принимая во внимание приведенную выше критику концепции «исторической миссии рабочего класса», возникает необходимость соответствующим образом пересмотреть и тезис о диктатуре пролетариата. И вообще, должно ли послереволюционное государство представлять собой какую бы то ни было разновидность классовой диктатуры?

Постольку, поскольку классы не исчезают моментально в ходе революции, и поскольку, следовательно, остается классовая борьба, победившие классы нуждаются в государстве для подавления своих противников. Длительность существования такой классовой диктатуры, и ее классовая определенность (т.е. будет ли это диктатура пролетариата или какая-то иная классовая диктатура) будет определяться социальной динамикой революционного процесса – т.е. будет зависеть от того, какие

⁹ Ленин В.И.. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., (5-е изд.) Т.37. с. 245.

именно классы и социальные группы станут господствующими в результате революции, и насколько быстро будет протекать процесс изживания социально-экономических условий классового деления и исчезновения общественных классов.

20.5. Революционная мораль

Когда многие видные революционные деятели (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий) сводили формулу революционной нравственности к утверждению, что нравственно все, что ведет к победе коммунизма, то, строго говоря, сама эта формула не была ошибочной. Но она была совершенно недостаточной. Если ограничиваться только этой формулой, критерии нравственности могут сползти к печально знаменитому «Катехизису революционера» С.Г. Нечаева, где допустимым для победы революции объявлялось использование любых средств безо всяких ограничений.

В чем же недостаточность краткой формулы «нравственно все, что ведет к победе коммунизма»? Ведь, по всей видимости, она совпадает с позицией Ф.Энгельса, который писал: «Отвлекаясь от вопроса морали – об этом пункте здесь речи нет, и я его поэтому оставляю в стороне, – для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным»¹⁰.

Во-первых, недостаточность этой формулы (и ее *несовпадение* с подходом Энгельса) в том, что для Ф.Энгельса «пригодность» средств вовсе не выступает критерием их нравственности – он как раз *отделяет* вопрос о пригодности от вопроса моральной оценки. Во-вторых, сама по себе эта формула (как, впрочем, и фраза Энгельса) *не дает критерия оценки пригодности* применяемых средств: ведут ли они в действительности к победе коммунизма или же лишь отодвигают эту победу, дискредитируя революционное движение и развращая его участников?

Можно до какой-то степени уверенности предсказать, как скажутся на движении к новому обществу крупные исторические действия. Но бывает крайне сложно оценить отдаленные исторические последствия не просто сегодняшних отдельных конкретных шагов, а их *форм и методов*. Поэтому нужно искать другой критерий оценки моральности этих методов, основывающийся на выяснении вопроса, *действительно* ли они служат победе коммунизма. С этой точки зрения Л. Троцкий был совершенно прав, замечая, что цель не только оправдывает средства, но одновременно и *ограничивает* их.

Понимание этой проблемы приводит подчас к позиции, согласно которой все шаги сегодняшнего дня должны оцениваться с точки зрения коммунистического *идеала* морали – тогда уж не ошибешься. Но тогда из арсенала методов классовой борьбы

¹⁰ Энгельс Ф. Письмо к Герсону Триру (Лондон, 18 декабря 1889 г.) // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1965, с. 275.

должны быть исключены всякое насилие и принуждение, что означает на деле полную капитуляцию перед классовым противником, широко использующим подобные средства.

С моей точки зрения, к морали можно отнести то же положение, которое верно по отношению к праву – «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества». ¹¹ Отсюда следует, что революционеры должны придерживаться не некоей абсолютно идеальной «морали будущего», а наивысших моральных стандартов, принятых на данный исторический момент среди тех классов и социальных групп, интересы которых они выражают. Одновременно революционеры должны стремиться к более высокой (высокой – с позиций интересов освобождения трудящихся классов) нравственности, нежели их классовые противники, и бороться за создание условий для утверждения этих более высоких норм среди поддерживающих их классов общества, а затем и во всем обществе. И именно с этой точки зрения можно судить о том, что является морально оправданным в революционной борьбе, а что – нет.

Обстановка революции, а тем более – гражданской войны и вооруженного насилия, разрывая сложившиеся общественные связи людей, может вести к значительному временному снижению общепринятых моральных стандартов. *Задача революционеров – противостоять этому снижению, а не потворствовать ему.* И в любом случае необходимо соблюдать принцип соразмерности целей и средств. Даже крайние жестокости могут быть допустимы, если речь идет о спасении жизни людей (скажем, расстрелы, чтобы остановить панику в войсках). И напротив, даже малейшее насилие, не связанное с необходимостью предотвратить худшее насилие, не будет оправдано – например, применение расстрела за политическую агитацию, тем более не связанную с призывами к насильственным действиям. «...Когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии...». ¹²

¹¹ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 19.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 38. М.: Госполитиздат, 1965, с. 419.
